



ГОДЪ XXXVIII.

Еженедѣльное

Мая 28-го 1906 г.

изданіе.

№ 21.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р., на мѣсяць 40 к.

Съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Отдѣльные №№ по 10 коп. Продаются во всѣхъ кіоскахъ города Москвы.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ, редакція «Моск. Церк. Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки: за 1 разъ 15 к., за 2 раза 25 к., за 3 раза 30 коп., на годъ—по особому условію.

По предложенію Его Высокопреосвященства, во вторникъ, 30 сего мая, въ 7 час. вечера въ Епархіальномъ домѣ (Лиховъ переулокъ), назначается *общее собраніе* членовъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, для выбора предсѣдателя, его товарища казначея и секретаря Общества.

Члены Общества всѣхъ отдѣловъ симъ покорнѣйше приглашаются въ означенное собраніе. 2—1.

Протоіерей *Іоаннъ Мансветовъ*.

Пастырское собраніе приходскаго духовенства города Москвы назначается 3 іюня, въ 2 ч. дня, въ Епархіальномъ домѣ.

Пастырство и политика.

Въ настоящее время разгара политическихъ страстей, охватившихъ Россію, чрезвычайно усложнилось положеніе тѣхъ лицъ, которыхъ обязанность составляетъ работа души человѣческой. Таково особенно положеніе священника. Какъ ему относиться къ происходящей борьбѣ? Одни требуютъ присоединенія духовенства „къ освободительному движенію“. Другіе говорятъ, чтобы духовенство „не мѣшалось въ политику“... Это бываетъ иногда требованіемъ лицемѣрнымъ, имѣющимъ цѣлью только то, чтобы духовенство не мѣшало перевороту политическихъ отношеній. Но точка зрѣнія невмѣшательства въ политику проповѣдуется иногда и совершенно искренне.

Конечно, только къ этой категоріи могу я отнести недавний рефератъ г. Н. Кузнецова, напечатанный потомъ въ „Московскомъ Голосѣ“ (№ 4. „Къ вопросу о церковныхъ преобразованіяхъ“). Здѣсь авторъ выставляетъ положеніе, что возвращеніе Церкви къ истинному началу заключается не въ томъ, чтобы „вести людей въ направленіи къ „кесарю“, въ какой бы формѣ онъ ни былъ“, а въ томъ, чтобы „вести людей къ воздаванію Божія Богу“...

Послѣдовательное проведеніе такой точки зрѣнія, конечно, ведетъ къ тому, чтобы священникъ совсѣмъ не озабочивался тѣмъ, будетъ ли „кесарь“ въ видѣ царя, или парламента, или республики. Но такой взглядъ грѣшитъ, полагаю, полной отчужденностью отъ дѣйствительной жизни.

Нѣтъ спора, что не только при парламентѣ или республикѣ, но даже и въ рабствѣ крѣпостного права или въ еще болѣе тяжкомъ рабствѣ социалистическаго строя (если бы онъ когда либо возникъ)—человѣкъ сохранить возможность жить съ Богомъ, и, стало-быть, священникъ сохранить свою обязанность указанія путей къ воздава-

нію Божія Богу. Но изъ этого нельзя выводить, чтобы съ точки зрѣнія воздаванія Божія Богу былъ безразличень вопросъ о „воздаванія кесарева кесарю“.

Самъ Спаситель сказалъ: „Воздавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу“. Да и дѣйствительно, обстановка общественная, а, стало-быть, и политическая, въ которой живутъ люди, вовсе не безразлична для ихъ религіозной жизни. Притомъ же эту обстановку устраиваютъ сами люди. Являясь продуктомъ ихъ творчества, она имѣетъ связь съ ихъ пониманіемъ своихъ интересовъ, съ ихъ чувствами и пожеланіями и. т. д. Слѣдовательно, это творчество тоже связано съ нашимъ духовнымъ міромъ, и то лицо—пастырь Церкви — который обязанъ пещись о душахъ, никакъ не можетъ сказать, чтобы для него было безразлично, какія чувства и пожеланія волнуютъ пасомыхъ въ ихъ политическихъ стремленіяхъ.

Итакъ, сказать, чтобы священникъ долженъ былъ безусловно вычеркнуть изъ своихъ заботъ политическія стремленія и затрудненія пасомыхъ — было бы вполнѣ ошибочно. Люди нуждаются въ пищѣ, люди нуждаются въ извѣстной семейной обстановкѣ, которая зависитъ отъ обстановки общественной, а эта послѣдняя въ свою очередь тѣсно связана съ политическою... Тотъ, кто истинно заботится о душахъ человѣческихъ, о томъ, чтобы люди во всемъ воздавали Божіе Богу, — не можетъ отнестись безъ вниманія ни къ одному уголку человѣческой жизни.

Это не значитъ, чтобы священникъ долженъ былъ вмѣстѣ съ политическими партіями ниспровергать одни правительства и водворять на ихъ мѣсто другія. Это не его дѣло, потому что онъ имѣетъ дѣло высшее. Борьба насильственная, каковой неизбѣжно оказывается борьба политическая, — возбранена священнику, дѣйствующему лишь средствами нравственными. Но не имѣть симпатій къ одному строю болѣе, чѣмъ къ другому, священникъ

не можетъ, ибо въ различныхъ людьми созидаемыхъ государствахъ или обществахъ вовсе не одинаково выражена степень нравственнаго чувства людей, и различнаго рода общественная или политическая обстановка не одинакова для удобства выработки чистой души человѣческой.

Человѣкъ можетъ быть спасенъ при всякихъ условіяхъ. Но одни окружаютъ его болѣе тяжкими искушеніями, другія менѣе тяжкими. Если искушеніе наступило, — священникъ долженъ помочь пасомому справиться съ нимъ, но онъ долженъ и заранѣе предупредить: „если устроитесь такъ, то будетъ вамъ много искушеній“ и посоветовать тотъ образъ жизни, который болѣе отъ нихъ обезпечиваетъ.

Съ этой точки зрѣнія мы подходимъ, полагаю, къ истинному пониманію того участія въ „политикѣ“, которое для священника не только не возбраняется, но даже прямо обязательно.

Священникъ долженъ понимать и умѣть объяснить пасомымъ значеніе различныхъ нормъ общественной и политической жизни. Это его безспорный долгъ.

Вспомнимъ, что въ общемъ ходѣ Промысла Божія выработка Израиля начата была закономъ Моисеевымъ, въ которомъ обозначены всѣ основные пункты надлежащаго общественнаго строя. Заповѣди устанавливали не только „воздаваніе Божія Богу“, какъ, напримѣръ, „да не будутъ тебѣ Бози иніи“, „помни день субботній“, но и обязанности общественныя — „чти отца твоего и мать“, „не послушествуй свидѣтельства ложна“, „не убій“, „не укради, „не пожелай ничего, елика суть ближняго твоего“, „не прелюбодѣйствуй“. Французскій соціальный философъ Ле-Пле справедливо говоритъ, что въ Синайскомъ законодательствѣ непосредственно самимъ Богомъ указаны основы человѣческаго общежитія. Въ Новомъ же завѣтѣ

Спаситель на вопросъ „что мнѣ дѣлать чтобы наследовать жизнь вѣчную?“ — отвѣчалъ указаніемъ на исполненіе заповѣдей. Апостолы тоже объясняли правила чистой христіанской общественности, и выясненіе нашего христіанскаго долга въ отношеніи общественныхъ и политическихъ формъ давалось затѣмъ церковнымъ учительствомъ рѣшительно во все эпохи и при всехъ условіяхъ, какія приходились переживать человѣчеству. Та-же самая обязанность, конечно, лежитъ на церковномъ учительствѣ и теперь.

Это учительство въ областяхъ жизни, гдѣ жизнь нравственная соприкасается съ общественной и политической, составляетъ очевидное „участіе въ политикѣ“, и оно гораздо шире, чѣмъ иногда думаютъ. Среди общественныхъ и политическихъ ученій бывають нерѣдко такія, которыя подрываютъ нормальный, Богомъ указанный строй человѣческихъ взаимоотношеній, подрываютъ нравственность и религію. Какъ же священникъ можетъ не указать пасомымъ на эту опасность? Это было бы прямымъ нарушеніемъ его пастырскаго долга.

Отсюда слѣдуетъ, что священникъ долженъ прилагать старанія къ тому, чтобы знать и понимать сущность борьбы общественно-политическихъ партій. Онъ долженъ быть освѣдомленнымъ ихъ оцѣнщикомъ и судьей съ точки зрѣнія высшей Божественной правды, воздаванія Божія Богу, въ самомъ устроеніи нашего общежитія, устанавливающаго исполненіе нашихъ обязанностей къ ближнему. Священникъ, такимъ образомъ, *выше партій*, но все не безразличенъ къ „политикѣ“. Если же онъ не можетъ или не хочетъ указать пасомому христіанскій путь среди общественныхъ и политическихъ усложненій, то онъ уже не выше политики а ниже ея и въ своемъ молчаніи не стоитъ внѣ партій, а просто-напросто поддерживаетъ сильнѣйшаго, кто побѣдитъ. Къ этому нерѣдко и сводятъ-

ся совѣты „не заниматься политикой“; практически это значить: „выжди, кто побѣдитъ, съ тѣмъ и будешь“....

Но понятно, что это не пастырское поведеніе, и во всей церковной Исторіи истинные пастыри никогда себя не держали такъ, но старались понять полезное или вредное значеніе борющихся силъ и уяснять его для пасомыхъ. Та же самая обязанность лежить и теперь на пастыряхъ, налагая на нихъ долгъ: внимательно изучать содержаніе борющихся силъ, и, ни одной изъ нихъ не подслуживаясь, выяснять пасомымъ ихъ сравнительное значеніе для чистоты и справедливости нашей общественной жизни.

Л. Тихомировъ.

Къ вопросу о второбрачїи священниковъ.

Въ послѣднее время въ обществѣ и литературѣ вызвалъ большое оживленіе вопросъ о второбрачїи священниковъ. Одни, ссылаясь на церковные каноны, на особый взглядъ Церкви на второбрачїе, какъ на нѣкоторое нравственное несовершенство, рѣшаютъ его отрицательно. Другіе же,—исходя изъ того положенія, что не Церковь для каноновъ, а каноны для Церкви, что противоположная точка зрѣнія въ принципѣ осуждена Самимъ Спасителемъ въ разсужденіи о субботѣ, и вмѣстѣ ссылаясь на требованія чловѣческой природы, на житейскія неудобства въ положеніи вдовыхъ священниковъ,—рѣшаютъ вопросъ положительно, т.-е. въ пользу разрѣшенія второго брака для вдовыхъ священниковъ.

Но есть и другая точка зрѣнія, которую весьма важно имѣть въ виду при рѣшеніи указаннаго нами вопроса. Въ словѣ Божіемъ брачное состояніе, какъ извѣстно, почитается, ниже безбрачнаго, подъ условіемъ сохраненія чистоты послѣдняго, и это потому, что не связанный семьею легче всего можетъ служить Господу. „Не женатый“, по слову апостола, „заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ (1 Кор. 7, 32—33). Подобно и Спаситель указывалъ на достоинство безбрачїа, когда говорилъ „Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано... Кто можетъ вмѣститъ да вмѣ-

стить“. (Матѣ. 19, 11—12). Если обратить вниманіе на рѣшеніе вопроса съ точки зрѣнія и ученія слова Божія, то несомнѣнно, что отрицательное рѣшеніе его болѣе согласно со словомъ Божиємъ, нежели положительное. Безбрачный священникъ можетъ болѣе служить Господу, и среди тѣхъ священниковъ, которыхъ Господь благословилъ лишить жены, всего естественнѣе искать такихъ, которые могутъ вмѣстить слово Его о безбрачїи.

Чтобы ни говорили о католическомъ духовенствѣ со стороны его нравственнаго достоинства,—несомнѣнно, что самая идея о безбрачїи духовенства имѣетъ высокое достоинство, и католическіе священники, какъ служители своей Церкви, несомнѣнно имѣютъ больше преимущества, чѣмъ священники другихъ Церквей. Намъ думается, что на рѣшенїи вопроса въ пользу второго брака для вдовыхъ священниковъ отразился духъ нашего времени. Теперь всѣ заботы особенно направлены на устройство здѣшной, земной жизни. Всѣ помышляютъ объ устройствѣ покойной, безпечальной и довольной жизни, и многіе въ этомъ смыслѣ склонны понимать водвореніе царства Божія на землѣ. Но пастырь Церкви не можетъ разсчитывать на это: болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ долженъ быть готовъ на перенесеніе скорбей и лишеній. Тѣмъ, которые хотятъ посвятить себя на служеніе Церкви и быть истинными пастырями, особенно нужно проникаться словами Спасителя: „Кто хочетъ итти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною. Ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелїя, тотъ сбережетъ ее. Всякій, кто оставитъ дома, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизньъ вѣчную“ (Марк. 8, 34—35. Матѣ. 19, 29). Конечно, всегда могутъ быть пастыри, которые будутъ больше пасти самихъ себя, чѣмъ овецъ своихъ (Лезек. 34 гл.), но наше время, несомнѣнно, предъявляетъ къ пастырямъ особенно высокія требованія. Тѣмъ, которые хотятъ посвятить себя пастырскому служенію, нужно особенно проникаться высотой его и готовностію всего себя, всѣ свои силы отдать на служеніе Господу и людямъ Его. Конечно, пастыри, какъ люди, не могутъ быть одинаковы по силѣ своего служенія: одни меньше, другіе больше приближаются къ идеалу пастырскаго служенія, но всѣ они должны постепенно совершенствоваться и приближаться къ своему идеалу. На пути къ нравственному совершен-

ству со стороны каждаго человѣка не можетъ быть остановки: остановка есть уже движеніе назадъ. Тѣмъ болѣе пастырь долженъ постоянно совершенствоваться, постоянно итти впередъ, постоянно горѣть и пламенѣть любовію къ Богу и своему служенію. А въ такомъ случаѣ онъ уже не будетъ заниматься разрѣшеніемъ вопроса о второбрачіи священниковъ на основаніи потребностей человѣческой природы или житейскихъ удобствъ и неудобствъ.

Но какъ мы, однако, разрѣшимъ вопросъ о второбрачіи священниковъ? Какъ быть съ тѣми вдовыми священниками, которые не могутъ справиться съ своимъ положеніемъ? Такимъ, конечно, слѣдуетъ предоставить возможность возвращаться въ прежнее мірское состояніе. На это возражаютъ, что трудно бываетъ найти подходящее занятіе. Подобныя возраженія даже обидно слушать: люди прямо признаютъ, что они никуда негодны, какъ только остаются священниками. Нужно желать и стремиться къ тому, чтобы подобныхъ священниковъ въ православной Церкви было какъ можно меньше. Что касается разрѣшенія вопроса о второбрачіи священниковъ по существу, то намъ кажется, что разрѣшить его, или, лучше, предупредить можно такимъ образомъ: посвящать въ священный санъ только въ зрѣломъ возрастѣ. По постановленію Владимірскаго собора 1274 г. въ діаконы слѣдуетъ посвящать не моложе 25 лѣтъ, а во священники не моложе 30 лѣтъ. На одномъ пастырскомъ собраніи, бывшемъ недавно въ Москвѣ, одинъ почтенный церковный староста выразилъ желаніе, чтобы въ священники посвящались лица не моложе 35 лѣтъ. Опредѣленіе возраста для посвященія въ священныя степени важно во веѣхъ отношеніяхъ. Оно весьма важно и въ вопросѣ о бракахъ священнослужителей. У насъ бываютъ случаи, что посвящаются въ священный санъ лица чуть не 20 лѣтъ. Для такихъ вдовство, конечно, бываетъ особенно тяжелымъ и великимъ испытаніемъ. Но если будутъ посвящать себя пастырскому служенію лица въ зрѣломъ возрастѣ, то и вдовство для нихъ будетъ менѣе тяжелымъ испытаніемъ. Вотъ съ какой точки зрѣнія, кажется намъ, можно подойти къ разрѣшенію, или, лучше сказать, къ предупрежденію вопроса о второбрачіи священниковъ.

Свящ. С. С.

Взглядъ на самодержавіе епископа Теофана и Н. Ѳ. Ѳедорова.

(Продолженіе).

„Можно бы основательно возразить, что народъ самъ будетъ блюсти свою вѣру. Но, какъ уже и впереди говорилось, трудно допустить, чтобы вѣра съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе возрастала въ силѣ. Свѣтлыя нѣкоторыхъ писателей изображенія христіанства въ будущемъ пріятно встрѣчать, но нечѣмъ оправдать. Царство Христово благодатное точно расширяется, растетъ, полнѣетъ, но на землѣ видимо, а на небѣ невидимо, изъ лицъ, тамъ и здѣсь, въ земныхъ царствахъ, приготовляемыхъ туда спасительною силою Христовою. На землѣ же преуказывается господство невѣрія и зла. Оно, видимо, расширяется; и когда уже очень возобладаетъ, тогда дѣло будетъ стоять только за началомъ. Подай только кто вліятельный примѣръ или голосъ сильный, и отступленіе отъ вѣры начнетъ совершаться. Этотъ толчокъ и данъ будетъ антихристомъ. Отсюда можно положить, что удерживающее антихриста есть вмѣстѣ и то, что нѣтъ еще должной подготовки въ людяхъ къ принятію его; перевѣса еще не взяли невѣріе и нечестіе; много еще вѣры и добра въ родѣ человѣческомъ“ ¹⁾.

Это было напечатано въ 1873 году. Не знающимъ жизни епископа Теофана напомнимъ, что онъ добровольно, ради достиженія высшаго совершенства, отказался отъ всѣхъ земныхъ благъ и преимуществъ—отъ епископской власти, отъ стяжаній, и съ 1866 года подвизался въ Вышенскомъ монастырѣ (Тамбовской епархіи) въ затворѣ, а въ послѣдніе годы жизни осуществлялъ высшій и самый тяжелый подвигъ молчальничества. Очевидно, для такого человѣка было невозможно, да и не для чего, льстить кому бы то ни было, хотя бы и царю.

Добавимъ еще, что, подвизаясь въ затворѣ и пустынномъ уединеніи, удалившись отъ міра, онъ не отградился отъ послѣдняго непроницаемой стѣной, не сталъ слѣпъ и глухъ къ жизни людей, къ ихъ радостямъ и горю, а въ особенности къ дѣлу ихъ спасенія. Совеѣмъ напротивъ: въ пустынѣ онъ писалъ богословскія сочиненія высокаго ученаго достоинства, зорко слѣдилъ за движеніемъ мысли и жизни въ Россіи, велъ обширную переписку

¹⁾ Бесѣдовательное толкованіе второго посланія къ Солуніянамъ. Москва. 1873 г., 71—72 стр.

и въ своихъ письмахъ людямъ всѣхъ сословій давалъ мудрые духовные совѣты, отвѣчалъ на вопросы, рѣшалъ мучившія людей сомнѣнія, ободрялъ, утѣшалъ, направлялъ на пути правды и добра. Совершенное безкорыстіе побужденій, любовь къ истинѣ, знаніе жизни,—и не мимолетныхъ верушекъ, а глубокихъ основъ ея,—здравый практическій смыслъ, сильный и обогащенный познаніями умъ, отзывчивое любящее сердце, чистота жизни, исключительное богатство духовнаго опыта, благочестіе и преданность Богу и Христу до самоотверженія—эти рѣдко встрѣчающіяся и по отдѣльности свойства души епископа Теофана не привлекутъ ли вниманія къ его словамъ со стороны мятущихся теперь русскихъ людей. Не окажутся-ли они спасительнымъ свѣтомъ маяка, отводящимъ отъ опасныхъ скалъ и мелей и направляющимъ къ уютной пристани тѣхъ русскихъ, которые въ туманѣ теперешняго броженія мысли не знаютъ, куда и за кѣмъ итти, что отвергать и что принимать. Не призадумаются-ли надъ ними тѣ священнослужители и богословы, которые въ теперешнемъ освободительномъ движеніи привѣтствовали освобожденіе Церкви отъ государственной власти, отъ бюрократическаго гнета? Свобода Церкви желательна; но будетъ-ли ей свободнѣе, легче и лучше жить и дѣйствовать при народовластіи? Какъ бы ей не попасть изъ огня да въ полымя. Православная Церковь находится въ нѣкоторой зависимости отъ государственной власти, но зато и пользуется отъ послѣдней содѣйствіемъ и помощью. И при народовластіи она могла бы навѣрняка рассчитывать на расположеніе и помощь отъ свѣтскаго правительства, если бы все, или почти все, русское царство было населено людьми православными и вѣрующими. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: евреи, язычники, мухаммедане, католики, протестанты, армяне, русскіе раскольники и сектанты, русскіе невѣрующіе и равнодушные къ религіи составляютъ не меньше трети, чуть не половину всего населенія Россіи. Пусть и справедливы въ нѣкоторой мѣрѣ жалобы, что Церковь связана въ своей дѣятельности зависимостью отъ государства, и что это было одной изъ причинъ нерасположенія къ Церкви и ея служителямъ со стороны иныхъ свѣтскихъ ученыхъ. Но главная причина нерасположенія, а то и ненависти къ Церкви и ея пастырямъ со стороны свѣтскихъ ученыхъ и свѣтскихъ недоучекъ во все не въ этой зависимости Церкви отъ государства; она лежитъ глубже; она заключается во взаимной непріязни церковнаго и мірскаго, духовнаго и свѣтскаго. Она прямо указана Христомъ

Его апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всеѣмъ ихъ преемникамъ, въ словахъ: *Если мѣръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то мѣръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ мѣръ.* (Іоан. 15, 18, 19). Невѣрующимъ или равнодушнымъ къ вѣрѣ ученыхъ и недоучкамъ одинаково ненавистны гражданское правительство и Церковь. Къ первому они относятся враждебно по политическимъ причинамъ, ко второй— по своей непріязни къ религіи. Наивно думать, будто они имѣютъ въ виду благо Церкви, требуя отдѣленія ея отъ государства. До зависимости Церкви отъ государства имъ нѣтъ дѣла. Если они домогаются устранить ее, то только потому, что этимъ способомъ надѣются разобщить интересы Церкви и государства, ограничить, а то и всеѣмъ уничтожить помощь, которую оказываетъ Церковь гражданскому правительству, и гражданское правитель-ство Церкви,—даже стравить Церковь съ правительствомъ, чтобы облегчить себѣ побѣду надъ обоими. *Divide et impera.*

Вотъ голосъ о самодержавіи другого человѣка, мірянина, но отрѣкшагося отъ благъ міра. Получая скудное жалованье, онъ часть его ежемѣсячно отдавалъ бѣднымъ; онъ погруженъ былъ въ занятія книгами, отвлекаясь отъ нихъ только для бесѣды съ людьми, нуждавшимися въ его учености, и приобрѣлъ широкую начитанность и разнообразныя познанія; глубокой и самобытной мыслитель, онъ былъ необычайно скромный; идеалистъ по мысли и жизни, онъ былъ высоко-нравственный, прямо святой человѣкъ. Къ нему вполнѣ примѣнимы слова Христа: *Кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него* (Лук. 18, 17). Мы говоримъ о Николаѣ Феодоровичѣ Феодоровѣ. Кто изъ ученыхъ людей Москвы и иногороднихъ, посѣщавшихъ бібліотеку Румянцевскаго Музея въ Москвѣ, не зналъ этого человѣка съ выразительными глазами, высокимъ лбомъ, съ дѣтски-добродушнымъ выраженіемъ лица, съ вьющимися длинными волосами, въ темно-сѣромъ поношенномъ и потертомъ сюртукѣ и наглухо застегнутомъ жилетѣ? Кто изъ нихъ не обращался къ нему, прося у него совѣта въ своей ученой работѣ, освѣдомляясь, какія есть книги, русскія и иностранныя, по тому или другому предмету или журнальныя статьи, гдѣ и когда онѣ были напечатаны и т. п.? И онъ давалъ точныя, либо приблизительныя указанія о книгахъ, статьяхъ, писателяхъ, ученыхъ взглядахъ, частію по памяти, частію наведя справки. Все это онъ дѣлалъ охотно, съ радо-

стью, съ чисто-родственнымъ чувствомъ любви къ ученымъ людямъ, къ ихъ трудамъ и умственнымъ запросамъ. Какой другой ученый станеть сообщать свои свѣдѣнія, не обнародованныя еще, другому ученому? А Николай Θεодоровичъ сообщалъ ихъ и знакомымъ и незнакомымъ, сообщалъ щедро, безъ зависти или ревности, дружелюбно, радуясь, что можетъ оказать ученую услугу.

Николай Θεодоровичъ былъ мыслитель и писатель,—мыслитель глубокой, самобытный, но, по его скромности, почти неизвѣстный.

О самодержавіи онъ напечаталъ статьи въ газетѣ „Асхабадъ“ за 1901 годъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками этихъ статей и пользуемся только краткимъ извлеченіемъ изъ нихъ, помѣщеннымъ въ біографіи Николая Θεодоровича, которая составлена Владиміромъ Кожевниковымъ и напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1904 годъ, подъ заглавіемъ „Николай Θεодоровичъ Θεодоровъ“.

Въ этомъ извлеченіи изложенъ взглядъ Николая Θεодоровича на самодержавіе въ отношеніи самодержавія къ воспитанію и образованію народа. Взглядъ Николая Θεодоровича на воспитаніе и образованіе отличается серьезностію, возвышенностію и глубиной. Задачи образованія онъ всегда ставилъ въ связь съ задачами воспитанія. Онъ говорилъ, что „знаніе само по себѣ не можетъ служить цѣлью; оно лишь средство къ достиженію высшей цѣли, цѣли самой жизни. По его мнѣнію, пріобрѣтеніе знаній только ради удовлетворенія любознательности есть не болѣе, какъ облагоустроенный видъ безцѣльнаго занятія и въ такомъ видѣ не можетъ дать полнаго и конечнаго удовлетворенія людямъ, какъ существамъ нравственнымъ. Знаніе раскрываетъ намъ только то, что есть, при совокупности теперешнихъ, наличныхъ условій, то-есть только реальную дѣйствительность при данномъ положеніи вещей. Но существующее положеніе вещей и благо, особенно нравственное благо, не одно и то же; они далеко не совпадаютъ. Даже совершенное знаніе того, что есть, не въ состояніи дать намъ совершенный миръ. Наоборотъ, будучи достигнуто, оно повергло бы человѣчество въ скорбь, которая была бы безпросвѣтной и безнадежной, если бы на *такомъ* знаніи люди остановились бы, если бы требованія нравственнаго блага, не совпадающія при существующемъ порядкѣ вещей съ дѣйствительностію, не указывали знанію иного, высшаго назначенія: стать изъ пассивнаго проективнаго и активнаго, перейти въ дѣло, въ преобразование

сущестующаго въ долженствующее быть. Воспоминаніе есть подготовка этого дѣла въ области чувствъ, воли и характера; обученіе, образованіе, познаваніе даютъ ему средства къ осуществленію.

Первое изъ этихъ средствъ—*всеобщность и обязательность образованія.*

Всеобщее образованіе и конечную цѣль его—осуществленіе нравственнаго блага въ человѣчествѣ—Николай Θεодоровичъ ставилъ въ тѣснѣйшую связь съ самодержавіемъ. По его убѣжденію, „вопросъ о цѣли существованія связанъ съ дѣломъ самодержавія“, въ коемъ, какъ воспреемничествѣ и душеприказничествѣ, заключается весь вопросъ о воспитаніи и образованіи, объ ихъ всеобщности, задачѣ и цѣли“. Николай Θεодоровичъ всеобщее спасеніе видѣлъ въ возстановленіи всемірнаго родства, въ объединеніи человѣчества въ одной семьѣ, а единственной формой государственнаго строя, способной привести къ объединенію человѣчества, онъ признавалъ самодержавіе.

Вотъ какъ онъ раскрываетъ этотъ взглядъ.

„Для возстановленія братскаго единенія, для истиннаго расширенія и сохраненія его въ родѣ человѣческомъ, а также и для руководства братскимъ союзомъ сыновъ умершихъ отцовъ въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ, вызываемомъ утратами (смертью), требуется намѣстникъ, всеобщій душеприказчикъ, „стоящій въ отцовъ мѣсто“ (какъ выражались наши предки, такъ и понимавшіе высшую власть). Это и есть самодержець. Самодержець, какъ стоящій въ отцовъ мѣсто, въ вѣнчаніи на царство получаетъ отъ Бога отцовъ, Бога Троичнаго, высшее освященіе, дѣлается орудіемъ Божественной воли, чтобы руководить дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, объединяя ихъ въ дѣло по образу Бога Троичнаго“.

„Высшее назначеніе самодержавію даетъ *православіе*, такъ какъ дѣло самодержавія не ограничивается однимъ внѣшнимъ, неполнымъ умиротвореніемъ. Для умиротворенія же внутренняго было принято христіанство, по желанію и самого народа, инстинктивно, повидимому, чувствовавшего глубоко-скрытое въ христіанствѣ всемірное родство. Христіанство было принято Русью въ его высшей, византійской формѣ всемірнаго печалованія о жертвахъ розни и гнета, то-есть, о всѣхъ умершихъ и умирающихъ. Это печалованіе, однако, въ отличіе отъ такъ называемой „мировой скорби“, ограничивающейся однимъ нытьемъ, требуетъ *дѣла*, за неисполненіе котораго и погибла Византія. Православіе не имѣетъ

свѣтской власти, наподобіе папизма, а потому и угнетать никого не можетъ; но и къ розни, которую подъ видомъ свободы боготворить протестантизмъ, православіе равнодушнымъ не остается. Православіе, по образцу высшаго христіанскаго догмата Пресвятой Троицы, требуетъ, чтобы въ родѣ человѣческомъ, при совершеннѣйшей самостоятельности лицъ, было и полное ихъ единство, то-есть требуетъ такого общенія или общества, въ сравненіи съ которымъ самыя высокія идеалы соціологіи становятся не только низкими, но и нечестивыми. Православіе требуетъ такого общества, которое не нуждалось бы ни въ наказаніяхъ, ни въ надзорѣ, ибо все юридическое и экономическое есть мерзость предъ Трїединымъ Богомъ и многоединымъ человѣческимъ родомъ. Санъ самодержца и предназначень для постепеннаго устраненія всего юридическаго, какъ безнравственнаго и антирелигіознаго“ 1).

Проф. А. Бьялевъ.

Изъ воспоминаній сельскаго священника.

Быль чудный майскій полдень. Голубой небосклонъ безоблаченъ. Въ воздухѣ тишь. Деревья точно замерли въ знойной атмосферѣ, не колыхнуть; нѣжная травка мѣстами уже пожелтѣла; на пригоркѣ земля отъ продолжительной засухи дала трещины. Это было весною 1892 года, памятнаго голодомъ и холерою по мѣстамъ. Мои прихожане, исключительно земледѣльцы, почуяли грядущую бѣду и, какъ люди простосердечно вѣрующіе, поспѣшили Господу принести печаль свою. Устроили нарочитое молебствіе, принеся изъ одного села икону Боголюбской Божіей Матери, чтимую во всей окрестности. Литургія прошла благоговѣйно, торжественно. Храмъ переполненъ, молились усердно, пѣли звучно. Мнѣ, какъ очень юному священнику, впервые пришлось встрѣтиться съ яркимъ проявленіемъ религіознаго чувства, и на душѣ стало хорошо, искренно хотѣлось молиться, сердце умилялось, чувствовалось, что въ такія именно минуты особенно сродняешься съ приходомъ.

Вотъ заколыхались хоругви, тронулись иконы, въ воздухѣ разлился трезвонъ колоколовъ. Молящіеся дружно усеѣли высокій берегъ Москвы-рѣки, на которомъ стоялъ храмъ. Начался

1) „Русскій Архивъ“, 1904 г., май, стр. 5—6. Извлечено изъ статьи „Самодержавіе“ въ газетѣ „Асхабадъ“, 1901 г., іюля 10, № 191.

молебень съ акаѳистомъ Спасителю. Картина дивная. Уютный бѣлый храмъ съ обѣихъ сторонъ опоясывали два старинные парка, нѣкоторыя сосны, казалось, хотѣли помѣриться высотой съ колокольнею.

Внизу подь крутымъ обрывомъ вилась Москва рѣка, чистая, дѣвственная, не загаженная въ той мѣстности ни фабриками, ни московскою грязью. Въ зеркальную гладь ея поверхности такъ славно смотрѣлся небосклонъ... За рѣкою убѣгаетъ въ даль пестрый коверъ луговъ. Лучи солнца играютъ на позолотѣ иконъ и хоругвей; изъ парка несутся звонкія трели соловья... Настало чтеніе Евангелія: „*Просите и дастся вамъ, ищите и обряцете...*“—искренно выливалось изъ груди“. Неужели это безконечное небо, такъ чудно открытое намъ, не откликнется на вопли и моленія сихъ простыхъ людей?—мелькало въ сознаниі при взглядѣ на эти серьезные, загорѣлая, благоговѣйно склоненныя лица... А когда проізносилъ въ другомъ Евангеліи зовъ Христа къ трудникамъ жизни: „*Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененныя; и Я успокою васъ*“—голосъ мой невольно дрогнувъ, взоръ упалъ на сосѣднія убогія хатки, точно олицетворявшія трудъ и бремена жизни, тепло стало на сердцѣ, что повторилъ самый утѣшительный зовъ изъ вѣхъ когда-либо слышанныхъ міромъ, и радостно за этихъ тружениковъ, такъ довѣрчиво склонившихся подь Евангеліе... Крестный ходъ тронулся кругомъ села, длиною лентою раскинувшася по берегу рѣки. Солнце палитъ, зной нестерпимый; безвѣтріе. Но дружно сливаются мужскіе и женскіе голоса въ восклицаніяхъ: *Исусе Сыне Божій, помилуй насъ!.. Пресвятая Богородице, спаси насъ!..* Потъ ручьями течетъ по лицамъ богомольцевъ, поднятые столбы пыли все покрываютъ, но вѣра поселянъ такъ жаждетъ благодатию Божію обнять скромное селенье, защитить его отъ бѣдъ и напастей, и крестьяне твердо, шествуютъ за святыней. Такъ хотѣлось сблизить этихъ просто вѣрующихъ людей съ тѣми толпами народа, что нѣкогда по знойной Палестинѣ текли за Господомъ, слушая Его, утоляли жажду духовную, прикасаясь къ Нему, исцѣлялись отъ недуговъ своихъ... Село обошли кругомъ, икону нужно нести въ сосѣдній приходъ. При спускѣ на рѣку, у самаго порома, отслуженъ послѣдній краткій молебень. Вотъ уже святыня на поромѣ, тихо отдѣлился онъ отъ берега, плавно скользитъ къ другому... Лучи солнца весело играютъ на золотыхъ ризахъ иконъ, оба берега усыяны народомъ, многіе такъ умильно глядятъ на эту трога-

тельную картину, сотни рукъ складываются въ благоговѣнное крестное знаменіе. Съ нашей колокольни звучитъ прощальный трезвонъ, и изъ сосѣдняго села уже доносится встрѣчный, и люди текутъ и текутъ навстрѣчу чтимой святыни... Сколько теплыхъ молитвъ прольется предъ ликомъ Пречистой, сколько теплоты, отрады вольтется въ сердца, открытыя вѣрою...

Я долго наслаждался этимъ зрѣлищемъ, задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся крестному ходу. Мое пріятное раздумье нарушено было звономъ колокольчика и топотомъ лошадей. Оборачиваюсь, и узнаю въ проѣзжающемъ знакомаго молодого врача... „Иконочку, батюшка, провожате, — весело крикнулъ онъ мнѣ, — а небо-то опять безоблачно, не умолили...“ Холодная ироническая нотка явно прозвучала въ его замѣчаніи, и такимъ снисходительнымъ взглядомъ окинулъ онъ насъ точно дѣтей, занятыхъ невинною шалостью. Стало грустно... Думалось: „Гдѣ чуткость этихъ людей, видимо просвѣщенныхъ, если не замѣчаютъ, не цѣнятъ лучшихъ минутъ народной жизни? Вѣдный врачъ! какъ малъ ты со своимъ университетскимъ образованіемъ, но холодный полный сомнѣній, сравнительно съ этой крестьянкой, что вонъ стоитъ у церкви, благоговѣнно, со слезами молиться... У ней есть свѣтлыя минуты, а у тебя онѣ потухли... Помилуй Богъ, навсегда?!“

Рѣка манила къ себѣ прохладой, хотѣлось освѣжиться, и только въ ея чистыхъ струяхъ я отдѣлался отъ грустнаго раздумья по адресу тѣхъ, у которыхъ голова совершенно перевѣсила сердце.

Прошло съ недѣлю, зной палилъ, засуха продолжалась, растительность блекла. Крестьяне приуныли, послѣднія надежды на урожай хлѣбовъ и травъ исчезали. Я ходилъ грустный, скорбѣлъ за своихъ прихожанъ. Какъ-то вечеромъ сидѣлъ на лавочкѣ на берегу и напряженно смотрѣлъ въ даль горизонта, не покажется ли гдѣ облачко... Въ гору поднимается мужичокъ, Михаилъ Семеновичъ, самый трудолюбивый и хозяйственный крестьянинъ изо всего прихода. Онъ особенно близко къ сердцу принималъ все, что происходило въ полѣ и на лугу. „Плохи наши дѣла, — заговорилъ я съ нимъ, — все, видно, сгорить“... Привѣтливый хотя и грустнымъ тономъ я желалъ хоть сколько-нибудь облегчить горе домовитаго крестьянина. „Вотъ и молились, кажется, усердно, а Господь не слышитъ насъ“. — „Его святая воля, стало быть, такъ нужно...“ Просто, покорно отвѣтилъ мнѣ Михаилъ Се-

меновичъ, ни ропота ни досады въ его тонѣ—обычное, ровное благодушiе и преданность Промыслу Божiю. Я понялъ настроенiе своего собесѣдника и перемѣнилъ разговоръ. Побесѣдовали мы съ нимъ часокъ. Уже смеркалось; когда простились, я долго смотрѣлъ влѣдъ ему, вотъ онъ уже скрылся подъ ветлами своего огорода... „Нѣтъ,—сказалъ я вѣлухъ,—такiе вѣрятъ, не потому что ѣли и насытились, а потому что Богъ близокъ простой и чистой душѣ ихъ“.

Одна свѣтлая точка изъ пережитаго какъ-то невольно напоминаетъ о другихъ подобныхъ. Припоминается еще майское утро. Миѣ пришлось встать рано и поѣхать верстъ за тридцать. Утро ласковое, безоблачное. Воздухъ насыщенъ ароматомъ цвѣтовъ... Роскошный коверъ растительности такъ и блещетъ изумрудомъ зелени... Села и деревни окутаны прозрачною дымкой утренняго тумана, точно купаются они въ его серебристыхъ волнахъ... Вотъ едва бѣлѣется сквозь кучу деревьевъ бѣлый храмъ. Въ открытое окно слышится пѣнiе, идетъ служба. Нужно зайти. Молящихся только двѣ женщины да дѣвочка подростокъ, но онѣ такъ хорошо молятся... Съ клироса слышится довольно благообразное пѣнiе одинокаго псаломщика. По временамъ слышались прiятные возгласы священника. Я вошелъ было въ алтарь, но вижу, молодой еще батюшка ушелъ весь въ службу, благоговѣйно, колѣнопреклоненный читаетъ евхаристическiя молитвы. Никому кромѣ Господа незримо творить онъ въ тишинѣ алтаря дѣло Божiе... Я не сталъ смущать его святыхъ минутъ, удалился изъ алтаря и прiютился въ уголкѣ достоять литургiю. Въ открытое окно привѣтливо протянулась вѣтка расцвѣтшей сирени, а ей точно въ отвѣтъ тянется тонкая струйка дыма кадила наго и вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтущей природы уносится къ голубымъ небесамъ. Какъ хотѣлось вѣрить, что и молитвенныя дыханiя сихъ простыхъ людей также долетятъ до неба, до престола Всевышняго. Я вышелъ продолжать путь со свѣтлымъ, приподнятымъ настроенiемъ: сколько на широкой Руси такихъ тихихъ Божьихъ уголковъ, сколько никому незримыхъ добрыхъ искръ загорается здѣсь и летятъ къ Богу... Вѣрилось, что въ отвѣтъ на нихъ непрестанно льется милость Божiя и хранить она всѣхъ насъ и мудро ведетъ къ лучшимъ цѣлямъ...

С. С.

Лѣтопись церковной жизни.

Школьный праздникъ въ Москвѣ. (Продолженіе). Обычный церковный праздникъ 11 мая отличался нынѣ особо торжественностью благодаря тому, что этотъ день совпалъ съ праздникомъ Вознесенія Господня. Предъ началомъ литургіи сторонній наблюдатель могъ видѣть толпы дѣтей, чинно направлявшіяся къ величественному московскому храму Спасителя. Въ присутствіи дѣтей съ ихъ наставниками и завѣдующими и молящихся, заполнившихъ собою все хоры и проходы храма, предѣдателемъ Совѣта Братства преосвященнымъ Серафимомъ, епископомъ Можайскимъ, въ сослуженіи ректора семинаріи архимандрита Анастасія, наблюдателя московскихъ школъ архимандрита Алипія, настоятеля Чудова монастыря архимандрита Арсенія, настоятеля Знаменскаго монастыря архимандрита Аванасія и др. была совершена литургія, въ концѣ которой о. Алипіемъ было произнесено назидательное слово о смыслѣ совершеннаго духовнаго празднества, напоминающаго намъ о томъ, что духовная пища есть основа и источникъ истиннаго счастья человѣка. По окончаніи литургіи началось торжественное молебствіе свв. Кириллу и Меводію, которое совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, въ сослуженіи съ преосв. Серафимомъ и Наванайломъ. Во все время литургіи и молебствія попеременно прекрасно пѣли то воспитанники Московской семинаріи, то хоръ воспитанницъ Маріинскаго училища, то сами дѣти, умилявшія своимъ пѣснопѣніемъ богомольцевъ.

Духовно объединившіяся между собою подъ сводами величественнаго храма, дѣти съ чувствомъ глубокаго религіознаго воодушевленія оставили, получивъ предварительно въ назиданіе книжечки религіознаго содержанія и благословеніе святителя, храмъ Христа Спасителя.

И не забудутся несомнѣнно ими эти минуты религіознаго воодушевленія, это торжественное священнослуженіе и въ годы позднѣйшей жизни. Быть-можетъ, въ ихъ жизни воспоминаніе о немъ будетъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ свѣтлыхъ лучей, которые въ минуты тревогъ согрѣваютъ людское сердце и спасаютъ его отъ мукъ отчаянія...

Торжество въ Чудовомъ монастырѣ. 20 мая, въ день празднованія святителю Алексѣю митрополиту Московскому, въ Алексѣевской церкви каедральнаго Чудова монастыря, гдѣ почиваютъ мощи святителя, литургію и молебствіе, а наканунѣ всенощное бдѣніе, совершалъ преосвященный Трифонъ епископъ Дмитровскій съ оо. архимандритами Борисомъ и Арсеніемъ и братіей обители, при большомъ стеченіи богомольцевъ.

Царскія панихиды. Въ субботу, 20 мая, въ день поминовения въ Возѣ почившей Императрицы Маріи Александровны, въ кафедральномъ во имя Христа Спасителя соборѣ заупокойную литургію совершалъ преосвященный епископъ Наѳанаиль, а панихиду преосвященные епископы, Серафимъ и Наѳанаиль съ оо. архимандритами Алипѣемъ и Аѳанасіемъ и прочимъ духовенствомъ.

Богослуженія въ день Св. Троицы. 21 мая, въ праздникъ Св. Троицы литургію и вечерню въ кафедральномъ во имя Христа Спасителя соборѣ совершалъ преосвященный епископъ Трифонъ съ о. архимандритомъ Арсеніемъ и соборнымъ духовенствомъ, при громадномъ стеченіи молящихся. Внутренность собора была убрана тропическими растеніями.

Въ Большомъ Успенскомъ соборѣ богослуженіе совершалъ преосвященный епископъ Серафимъ съ архимандритомъ Теофилактомъ, о. протопресвитеромъ и соборными пресвитерами.

Въ Троице-Сергіевской лаврѣ торжественныя богослуженія совершалъ ректоръ духовной академіи преосвященный епископъ Евдокимъ съ о. намѣстникомъ лавры и братіей, при громадномъ стеченіи богомольцевъ, среди которыхъ было много лицъ, прибывшихъ изъ Москвы.

Крестный ходъ. 22 мая былъ совершенъ крестный ходъ изъ московскихъ соборовъ и кремлевскихъ монастырей въ церковь Владимірской Богоматери, что на Никольской. Въ крестномъ ходу шель преосвященный Трифонъ епископъ Дмитровскій съ знаменскимъ архимандритомъ и многочисленнымъ духовенствомъ. Литургію во Владимірской церкви совершили преосвященный Трифонъ съ оо. архимандритами Теофилактомъ и Борисомъ и братіей. Пѣлъ Синодальный хоръ. Обратный крестный ходъ сопровождалъ просвященный епископъ Серафимъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

И. С. Ансаковъ о „свободѣ, равенствѣ и братствѣ“. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что девизъ первой французской революціи: „свобода, равенство, братство“ — евангельскаго происхожденія. Мы не станемъ оспаривать ни высокую искренность первыхъ энтузіастовъ этой революціи, ни даже наивность ихъ вѣры въ быстрое осуществленіе провозглашенныхъ ими началъ. Но именно оттого, что они эти принципы пообчистили отъ ихъ Божественной сущности и низвели ихъ на степень юридическихъ понятій, въ ихъ девизъ и на ихъ знамя не попало то слово, въ которомъ одномъ — основа и жизненная сила всѣхъ выше-

исчисленныхъ христіанскихъ началъ: это слово—„любовь“. Оттого и вышло на дѣлѣ самое вопіющее противорѣчіе: провозглашенныя революціей начала стали девизомъ террора! Последнее же слово революціоннаго логическаго прогресса—анархія, тиранія, и, вмѣсто судебнаго террористическаго топора—петролій, ядъ, динамитъ. Да развѣ идея *братства*, идея христіанствомъ впервые внесенная въ міръ, существенно христіанская—развѣ не представляется она безсмыслицей на знамени революціоннаго рационализма, такъ какъ для нея нѣтъ никакихъ *логическихъ* рациональныхъ основаній? Развѣ идея *братства* мыслима внѣ идеи *сыновства*, внѣ христіанскаго понятія о *единомъ Отцѣ*, т. е. о Творцѣ—Богѣ, который же есть и Любовь? Не во имя же общаго родоначальника орангъ-утанга, какъ учить современный научный прогрессъ, величаться намъ братьями и выставлять на своемъ знамени девизъ: *fraternité*, въ то же время объявляя ярую войну самому принципу *семьи*! Да и можетъ ли быть обязательнымъ чувство братства тамъ, гдѣ отвергается обязательность всякаго нравственнаго закона и даже самое понятіе объ абсолютной нравственной правдѣ? Самыя начала „свободы и равенства“, понятія внѣ ихъ нравственной христіанской основы, съ одной внѣшней формальной стороны, —ведутъ логически: первое—къ разнузданности, къ своеволю; второе—къ безумному, вооруженному насиліемъ протесту противъ самой природы, противъ неравномѣрности свойствъ пола, возраста, даже даровъ духа, отъ воли человѣка не зависящихъ. Истощаясь въ усилахъ уравнить человѣчество по своей внѣшней логической мѣркѣ, ревнители-„прогрессисты“ безотчетно стремятся понизить его, хотя бы способомъ самой тиранической нивелировки, до самага низменнаго, дѣйствительно общаго уровня и убить, наконецъ, самую свободу и разнообразіе жизни... Однимъ словомъ, всѣ эти либеральные принципы, сдвинутые съ основы христіанскаго міросозерцанія, логически приводятъ къ абсурду: *прогрессъ*, отрицающійся Бога и Христа, въ концѣ-концовъ становится *регрессомъ*; *цивилизация* завершается *одичаніемъ*; *свобода*—*деспотизмомъ* и *рабствомъ*. Совлекши съ себя образъ Божій, человѣкъ неминуемо совлечетъ,—уже совлекаетъ съ себя,—и образъ человѣческій и возревнуетъ объ образѣ звѣриномъ“.

Содержаніе неофициальнаго отдѣла: Объявленія.—Пастырство и политика.—Къ вопросу о второбрачій священниковъ.—Взглядъ на самодержавіе епископа Теофана и Н. О. Федорова (продолженіе).—Изъ воспоминаній сельскаго священника.—Лѣтопись церковной жизни.—Извѣстія и замѣтки.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъновъ.

Редакторъ Ректоръ Москов. Духов. Семинаріи
Архимандритъ Анастасій.

Типо-литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

28 мая.

№ 21.

1906 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 19 сего мая № 2233, священникъ Борисоглѣбской, г. Рузы, церкви Сергій *Звяревъ* назначенъ благочиннымъ, вмѣсто умершаго священника Воскресенскаго, г. Рузы, собора Дмитрія Пшеничника.

Законоучитель 1-го Московскаго Императрицы Екатерины II кадетскаго корпуса священникъ *Добровольскій* награжденъ скуфьею.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 18 сего мая, діакона на псаломщической вакансіи при церкви Московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря Валентина *Соколова* разрѣшено рукоположить во священника, съ перечисленіемъ его на штатную діаконскую вакансію. Тою же резолюціею священникъ на діаконской вакансіи при церкви Вознесенскаго монастыря Іоаннъ *Митропольскій* зачисленъ на штатную священническую вакансію при той же церкви.

Опредѣлены:

1) На вакансію псаломщика къ Ильинской, погоста Муравьищъ, церкви, Богородскаго у., окончившій курсъ 2-го класса Московской семинаріи Вячеславъ Аѳонскій.

2) На вакансію священника при Христо-Рождественской, с. Черкизова, церкви, Московскаго у., священникъ Преображенской, с. Нестерова, церкви, Рузскаго у., Іоаннъ *Молчановъ*, 15 мая.

3) На вакансію псаломщика, при Покровской, при психіатрической больницѣ, что въ селѣ Мещерскомъ, Покровское тожъ, церкви, Подольскаго у., окончившій курсъ Донскаго училища Пантелеимонъ *Марковъ*.

4) Псаломщикъ Московской Елисаветинской, что въ Елисаветинской женской гимназiи, церкви, Павелъ *Боголюбовъ*—на священническую вакансiю къ соборной Воскресенской, г. Рузы, церкви.

Перемѣщенъ:

Священникъ Покровской, села Мазы, Макарьевского у., Нижегородской епархiи, церкви Иоаннъ *Архангельскiй* на священническую вакансiю къ Николаевской, с. Лужкова, церкви, Рузскаго у.

Уволенъ за штатъ:

Псаломщикъ Ильинской, погоста Муравьицъ, церкви, Богородскаго у., Иванъ *Горскiй*, согласно прошенiю, 18 мая.

ЗУБНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

ЗУБНОГО ВРАЧА

МИХАИЛА МАТВѢВИЧА БРАТЕНШИ.

Кузнецкiй мостъ, Кузнецкiй пер., д. Горчакова, Телеф. 79-45.

Плата по утвержденной таксѣ.

Удаленiе зубовъ подъ наркозомъ (безъ боли), леченiе пломбы золотыя, фарфоровыя и др. Искусственные зубы мостовидные (безъ неба), коронки на корни, штифтовые и обыкновенныя (последнiе 2 руб. за зубъ). Совѣтъ 50 коп.

Лица духовнаго званiя и ихъ семейства принимаются на льготныхъ условiяхъ.

Принимаютъ зубн. врачи, докт. медицины.

Съ 9 до 7 ч. По воскр. съ 10 до 2 ч.

Цензоръ

Протоiерей Н. Извъковъ.

Редакторъ Секретарь Консисторiи

П. Беллавинъ.